

ТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ. МОТИВ

О.С. Сухих¹

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

**ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ
Л. ЮЗЕФОВИЧА «ЗИМНЯЯ ДОРОГА»**

В статье рассматриваются мотивы пушкинских стихотворений «Зимняя дорога» и «Бесы» в романе Л.А. Юзефовича «Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922-1923 годы». Цель работы – выявление художественных переключек названных стихов Пушкина и романа Юзефовича. Отмечается, что указанные произведения объединяют следующие мотивы: тоски, контрастной смены настроений, тёмных сил, домашнего очага как светлого начала, душевного единения дворянина и простого человека. Исследование данных мотивов позволяет рассмотреть роман «Зимняя дорога» как осмысление гражданской войны не только с точки зрения конкретно-исторической, но и в аспекте универсалий общечеловеческого уровня.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Л.А. Юзефович, «Зимняя дорога», мотив, путь, революция.

O.S. Sukhikh

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

**PUSHKIN'S MOTIFS IN THE NOVEL "WINTER ROAD"
BY L. YUZEFOVICH**

In the article the motifs of Pushkin's poems "Winter Road" and "Devils" in the novel "Winter Road. General A.N. Pepelyaev and anarchist I.Y. Strod in Yakutia. 1922-1923" by L.A. Yuzefovich are considered. The aim of the work is to reveal essential parallels in Pushkin's poems and Yuzefovich's novel. It is noted that these works are united by the following motives: melancholy, contrasting

---

¹ Ольга Станиславовна Сухих – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

mood changes, dark forces, hearth and home, the spiritual unity of a nobleman and a common man. The study of these motifs allows considering "Winter Road" as a reflection of a civil war not only from the historical point of view but also in the aspect of universals.

Key words: A.S. Pushkin, L.A. Yuzefovich, "Winter Road", motif, path, revolution.

Роман Л.А. Юзефовича «Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922-1923 годы» вышел в 2015 г., а в 2016 был отмечен премией «Национальный бестселлер». Произведение посвящено одному из последних крупных событий гражданской войны – контрреволюционному восстанию в Якутии, поддержать которое собирался А. Пепеляев, и, наоборот, прекратить его намеревался И. Строд.

Название романа не случайно перекликается с заглавием пушкинского стихотворения «Зимняя дорога». Учитывая, что название, по сути, представляет собой «свёрнутый текст» [Кржижановский, 1931, с. 4], можно отметить существенные переклички образов, мотивов этих двух произведений. На наш взгляд, важен в данном случае и тот факт, что в пушкиноведении (да, пожалуй, и в читательском сознании) сформировалась тенденция *рассматривать «Зимнюю дорогу» в единстве с другими «дорожными» стихами*¹ Пушкина, прежде всего с «Бесами». Это проявляется в работах исследователей разных эпох [Благой, 1967; Балашова, 1981; Ходанен и Озерова, 2008]², что говорит о плодотворности подобного подхода. Поэтому мы тоже будем привлекать в качестве материала для сопоставления с современным текстом не только «Зимнюю дорогу», но и стихотворение «Бесы», очевидно связанное с ней как тематически, так и по настроению: «... наиболее соотносится “Бесы” с “Зимней дорогой” <...> общей и ведущей для обоих стихотворений является тема долгого ночного пути по заваленным снегом пустынным и бесконечным русским равнинам» [Благой, 1967, с. 476].

---

¹ Курсив здесь и далее наш. – О.С.

² Исследователи говорят о «зимнедорожном» цикле А.С. Пушкина.

Безусловно, сопоставляя тексты стихотворений и романа, нужно принимать во внимание и то, что они созданы в исторически далёкие друг от друга эпохи, в рамках разных родов и жанров, различных творческих принципов, но это не исключает возможности сходного восприятия авторами тех или иных реалий и их отражения, хотя и в разной форме. В стихах Пушкина – лирическая рефлексия, у Л. Юзефовича – объективированное повествование о судьбах, о духовном пути героев. Их сознание внеположено авторскому, однако во многих случаях писатель явно стремится принять на себя роль того или другого персонажа, идентифицироваться с ним психологически, представить его переживания, мотивы, руководившие им. Например, факт неожиданного отступления А. Пепеляева от Сасыл-Сысы, где уже через день будет «великое противостояние», Л. Юзефович объясняет со своей точки зрения таким образом: «Пепеляев не столько, может быть, хотел выманить Строда из его убежища и завлечь в капкан, сколько надеялся, что если предоставить красных самим себе, начнется дезертирство, отряд развалится, тогда удастся обойтись без жертв с обеих сторон» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>]. Писатель стремится проникнуть в душевную жизнь персонажа и за счёт *собственного* понимания его характера, отношения к событиям воссоздать *его* чувства и мысли. С одной стороны, он тем самым привносит в изображение героя субъективно-авторское начало, а с другой – сам проникается переживаниями героя, как он их представляет. Поэтому можно сказать, что в образах героев есть много авторского, «автодушевного». И это тоже в определённой мере даёт почву для сопоставления текстов пушкинских стихов и романа Л. Юзефовича.

На самом поверхностном уровне объединяют названные выше произведения А.С. Пушкина и Л.А. Юзефовича мотивы зимы и дороги – они являются воплощением жизненных реалий: пушкинский герой едет «по дороге зимней, скучной», а Северному отряду И. Строда и Сибирской Добровольческой дружине А. Пепеляева приходится идти через Якутию в сильнейший мороз, прокладывая путь по снежной целине. Но, кроме этого сходства в самом фоне действия, можно отметить в произведениях художников разных эпох также параллели в развитии других важных мотивов.

Прежде всего, для обоих произведений характерен **мотив тоски**¹, тяжёлой печали, угнетённости. В беседе с журналистом М. Соколовым Л. Юзефович сказал о пути своих героев: «Это, конечно, символически перекликается и с пушкинской зимней дорогой вообще <...> это дорога в ненастье. Дорога, когда идти тяжело» [Цена революции. Зимняя дорога, 2016, электронный ресурс, <https://echo.msk.ru/programs/cenarobedy/1878050-echo>]. При этом, вероятно, имеется в виду тяжесть не только физическая, но и моральная. «... Жизнь лежит перед ним как “унылая, длинная-длинная зимняя дорога”» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>] – таково чувство генерала А. Пепеляева, который ведёт Сибирскую дружину, ощущая давление нравственной ответственности перед теми, кто в него поверил, и одновременно буквально с каждым шагом теряя веру в свою миссию и понимая её обречённость. К И. Строду подобное тоскливое и безнадёжное мироощущение пришло позже – в 30-е годы, когда он в полной мере осознал, что стал лишним в послереволюционном мире, когда он ощутил разочарование в той власти, за которую воевал и которая не дала желанной свободы ни обществу, ни личности. Осознание тоскливости и уныния, безнадёжности как внутреннего свойства не просто конкретной зимней дороги, а жизни в целом, **тоска как мироощущение** – всё это, по мнению пушкинистов, выражено и в стихотворении «Зимняя дорога»: «Но сегодняшняя грусть пребудет и завтра, пребудет сегодняшняя дисгармония мира. Мир созвучен скуке поэта, но он не объясняет свое чувство непосредственно скукой. Оно глубже, сильнее. <...> Так осуществляется идея опустошенности при обилии реальных, при глубине осознания сиюминутного состояния себя и мира, приходящая от постижения сути времени и себя» [Балашова, 1981, с. 33].

Однако в пушкинском тексте лирический сюжет включает в себя не только тоску и однообразие пути – здесь есть и **смена контрастных настроений**: «То разгулье удалое, / То сердечная тоска» [Пушкин, 1959 б, с. 159]. Оба центральных героя романа Л.

---

¹ Здесь и далее выделено нами. – О.С.

Юзефовича тоже испытывают на протяжении своего пути и ощущение душевного подъёма, и разочарование. С одной стороны, революция даёт надежду на преобразование мира¹, на возможность добиться более справедливого, чем прежде, устройства жизни. Это касается как «мужицкого генерала» А. Пепеляева, имевшего народнические взгляды и собиравшегося передать власть в Сибири Земскому съезду, так и анархо-коммуниста И. Строда, исповедовавшего, по мнению автора, идеи П. Кропоткина: никто не может считать собственностью землю, на которой трудились многие поколения и с которой связана вековая история народных страданий. Революция, кроме того, рождает в каждом из героев романа чувство собственной значимости для истории, ощущение размаха, больших возможностей, *великой цели*, важной не только для него лично, но и для страны, народа.

Однако существует и обратная сторона медали: революция предоставляет большие возможности не только героям-романтикам, но и дельцам. А. Пепеляев с горечью узнаёт, что инициаторов его экспедиции больше интересует якутская пушнина, чем справедливость и благополучие народа. И. Строд начинает понимать, что «якутское население “сильно пострадало от примазавшихся к советской власти прохвостов”. Эти “прохвосты”, то есть уездные комиссары, под видом административной реформы приписывали улусы и наслеги то к одному округу, то к другому, чтобы обкладывать их разверсткой не один раз, а два, второй – в свою пользу» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>]. Как писал в стихотворении «Гражданская война» М. Волошин, «вслед героям и вождям крадётся хищник стаей жадной» [Волошин, 1993, с. 131], и, конечно, это не может не породить горькое чувство.

Кроме того, *послереволюционная реальность*, с её закономерностями, как будто лишает героев почвы под ногами. А. Пепеляев, мечтавший пробудить народные силы, народную идею правды, стал постепенно убеждаться, что это иллюзорная цель, что народ лишь хочет выжить, а идеологическая борьба его не интересует: «”Как за сказочной птицей, гонялся я за правдой, верил, что там, в глубинах народных, знают ее”, – написал он в исповедальном рассказе

---

¹ Здесь и далее курсив наш. – О.С.

о себе. А затем кратко сформулировал итог своих исканий: “У народа идеи нет”. И закончил, имея в виду будущее, каким оно представлялось ему во время отступления на восток: “Впереди было темно”» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>]. Потерпев поражение и сдавшись, генерал увидел перед собой обычную, повседневную жизнь «маленьких людей», которые уже отошли от войны, примирились с новой властью, новыми устоями, и это свидетельствовало о том, что его миссия – спасение народа – была тоже иллюзией. И. Строд, видевший цель борьбы в достижении свободы и справедливости, постепенно всё более и более убеждался в том, что в реальности новая власть, завоёванная таким трудом и такими жертвами, не принесла людям ни того, ни другого. К тому же на фоне происходивших в 30-е годы репрессий он не мог не предчувствовать свою участь. «Впереди было темно» – эти слова отражают и его мироощущение. Этот образ тёмного будущего ассоциируется с ночным пейзажем А.С. Пушкина: «Мутно небо, ночь мутна» [Пушкин а, 1959, с. 297], который дополняется ощущением усталости, бессилия: «Сил нам нет кружиться доле; / Колокольчик вдруг умолк; / Кони стали...» [Пушкин, 1959 а, с. 298]. Образ «волнистых туманов» в «Зимней дороге» согласуется с описанием «мутной» ночи в «Бесах» и воспринимается как символ потерянности человека, утратившего ориентиры, ясность направления, цели: «Ни огня, ни чёрной хаты, / Глушь и снег...» [Пушкин, 1959 б, с. 159]. И это отчётливо проецируется на психологическое состояние героев Л. Юзефовича.

Мотив тёмных сил, окружающих путника, стал одним из основных в «Бесах» А.С. Пушкина, и в произведении Л. Юзефовича он тоже играет серьёзную роль. Фигуры А. Пепеляева и И. Строда – людей, сохранивших душевную чистоту, – выделяются именно на фоне образов различного рода «бесов», поднявшихся на гребне революционной волны. Таковы, например, упоминавшиеся выше «предприниматели», использовавшие создавшиеся обстоятельства для собственного обогащения. Таковы вообще многие представители белого и красного политических лагерей. Например, стоит вспомнить Коробейникова, «пытавшегося доказать свою состоятельность расстрелом нельканских милиционеров» [Юзефович, 2015 а,

электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>], или атамана Семёнова, известного своей жестокостью (неслучайно в окружении А. Пепеляева считали службу у Семёнова недостойным прошлым). С другой стороны, вспомним, например, командующего вооружёнными силами Якутии и соотечественника И. Строда – Байкалова (Карла Некундэ), который считал, что при отступлении нужно было полностью сжечь Нелькан. Тот же Байкалов, зная, что в Сасыл-Сысы осаждён отряд Строда, не пошёл ему на помощь, а предпочёл атаковать Амгу, что было важно для его личного самоутверждения. Уполномоченный ОГПУ в Якутии Буда приказал Строду, уже вступившему в переговоры с повстанцами Михайлова и Артемьева, использовать ситуацию для их уничтожения, хотя правительство ЯАССР обещало амнистию (этим и руководствовался Строд, когда решил не выполнять приказ Буды). Тёмное начало проявилось и в жителях Якутии: «В повстанческом движении все отчетливее проступает бунт архаики против олицетворяемой русскими цивилизации: опустошаются лепрозории (здесь издавна свирепствовала проказа), в школах сжигаются книги и учебные пособия, а в Чурапче сожжены и само здание школы, и лучшая в области сельская больница» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>]. Все три стороны конфликта были ожесточены, а потому не избегли проявления тёмных начал, и это вновь напоминает строки М. Волошина: «В тех и в других война вдохнула / Гнев, жадность, мрачный хмель разгула» [Волошин, 1993, с. 131]. Поэтому и тёмная стихия «Бесов» может ассоциироваться с любым из политических лагерей.

Пушкинскую «Зимнюю дорогу» и роман Л. Юзефовича роднит также **мотив домашнего очага как спасительного маяка** на трудном пути. У Пушкина именно с ним связана смена эмоционального тона, выражение светлого начала на фоне скучной дороги, затуманенной луны, однообразного звука колокольчика: «Завтра, Нина, / Завтра к милой возвратясь, / Я забудусь у камина, / Загляжусь, не наглядясь» [Пушкин, 1959 б, с. 159]. Этот образ-грёза уводит героя от реально видимого унылого пейзажа: «Это бегло мелькнувшее видение счастья и уюта, близости милого существа потому так притягательно, потому окружено ореолом некоего волшебства, что воспринято оно мысленным взором путника, привыкшего к безбрежному белому однообразию русской равнины, к одиночеству зимнего пути»

[Грехнёв, 1994, с. 6]. Эта ситуация проецируется на судьбу А. Пепеляева, который в романе Л. Юзефовича на протяжении всей своей «зимней дороги» думал о жене и детях как о самых «милых существах», чувствовал моральную ответственность перед ними и мечтал с ними воссоединиться. В его дневнике есть, например, такие строки: «Единственная мечта – мирная семейная жизнь с женой и детьми, хозяйство небольшое в деревне, работа, чтение». Жену его звали Нина, как и возлюбленную героя пушкинского стихотворения (так же звали сестру жены И. Строда, правда, как явствует из романа, у героя не было особой духовной близости с родственниками жены). В одном из писем А. Пепеляев, практически как пушкинский путник, уверяет свою Нину в скорой встрече: «Ты не волнуйся, настанет время и, даст Бог, вернемся здоровыми, или ты к нам приедешь в свободную Сибирь. <...> Самое большое до следующей осени будем жить порознь. Все меры приму, чтобы увидеться, и если не выйдет, все равно приеду домой» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>].

В стихотворении А.С. Пушкина образ Нины в сочетании с деталями интерьера (камин, часы) и с возникающим в подтексте образом дома существует *в воображении путника*, воплощая в себе надежду, мечту. Он – в ирреальном времени и пространстве, тогда как в реальности героя на момент развития ситуации окружают темнота, снег, холод. В романе Л. Юзефовича перед нами очень похожая картина: А. Пепеляев всё время думает о воссоединении с семьёй, мечтает об этом, в какие-то моменты он даже уверен, что встреча скоро произойдёт (это ассоциируется с пушкинским «завтра, Нина...»), но она всё же *остаётся лишь в мечтах героя*. Что же касается второго из главных персонажей – И. Строда, то в его послереволюционной жизни были и дом, и семья. Но это не принесло ему счастья, поскольку его ценностные ориентации были иными: он всегда стремился к борьбе, ярким событиям, преодолению силы обстоятельств, а не к семейной идиллии.

И если в романе Л. Юзефовича мотив любви и домашнего тепла развивается на фоне исторических перипетий, трагически складывающейся частной и общей судьбы, то и в пушкинском стихотворении внутреннее наполнение этого мотива может быть

истолковано подобным же образом: «... схвачена здесь суть русского характера, <...> эти перепады его настроений от самого безудержного веселья к самой глухой тоске, перепады, сформированные суровыми испытаниями истории. И над всем этим точно бы веет дыханием судьбы, и кажется, путь этот бесконечен, пролегает через века» [Грехнёв, 1994, с. 7].

Хотелось бы отметить ещё один момент, объединяющий роман Л. Юзефовича с пушкинскими претекстами. В системе образов пушкинской «Зимней дороги» (как, впрочем, и «Бесов») существенное значение имеют фигуры дворянина и простого человека, **«барина» и «мужика»**. Перед нами разворачивается мотив **духовного сближения между ними**, когда что-то родное для барина чувствуется в песне ямщика: оба оказываются один на один с зимней дорогой, её однообразием и тоскливостью, а в «Бесах» – и с опасностью (затем подобная ситуация будет подробно развёрнута в «Капитанской дочке»). Этот мотив соотносится с повествованием Л. Юзефовича о жизненном пути А. Пепеляева, которого белое офицерство с некоторым пренебрежением именовало «мужицким генералом». Автор подчёркивает в романе простоту этого героя, его умение довольствоваться малым. Но это не главное, важнее то, что *основным мотивом* действий А. Пепеляева в Якутии стало стремление защитить её народ от несправедливости: он согласился возглавить Сибирскую Добровольческую дружину лишь потому, что его убедили, будто народ ждёт помощи. Этот факт отмечается и в воспоминаниях И. Строда «В якутской тайге»: автор пишет, что обращение к Пепеляеву от имени народа Якутии стало удачной уловкой со стороны инициаторов создания Сибирской дружины, так как генерал согласился возглавить её, чтобы поддержать именно народное движение [Строд, 1961]. Кроме того, отметим, что в состав дружины вошли представители самых разных сословий, были и крестьяне, правда, немного.

И. Строд воспринимался жителями Якутии как представитель власти, поскольку был командиром красного отряда и в этом смысле стоял «над массой». Но он сам, можно сказать, был человеком из народа – сыном фельдшера, проведшим детство вместе с детьми бондаря и сапожника; семья была небогатой, и он не имел возможности даже окончить школу из-за необходимости зарабатывать

деньги: вспахивать чужие огороды, подковывать лошадей и т.п. Вероятно, ему были близки интересы простого человека, неслучайно в романе говорится, что он мог увлечься анархически-демократическими идеями П. Кропоткина, его «Хлеба и воли», а в дальнейшем отмечается, что, будучи уже всенародно известным героем, он «возмущался плохим снабжением рабочих и закрытыми столовыми для начальства» [Юзефович, 2015 а, электронный ресурс, <http://lib.rus.ec/b/564252>], осуждал власть за несправедливое отношение к крестьянству.

Мотив единства дворянина и простого человека можно увидеть в романе Л. Юзефовича и в **концептуальной для него идее духовной близости А. Пепеляева и И. Строда**. «История их противостояния среди якутских снегов – это еще и рассказ о борьбе двух родственных душ, двух идеалистов, судьбой разведенных по разным лагерям, но сумевших сохранить благородство в нечеловеческих условиях войны на Крайнем Севере», – сказал о своих героях автор романа [Юзефович, 2015 б, электронный ресурс, <https://www.kommersant.ru/doc/2767363>]. Хотя они представители разных социальных слоёв, но их объединяют и мотивировки действий, и характер судеб, и многие черты внутреннего мира. Неслучайно противостояние героев в селении Лисья Поляна, согласно концепции писателя, порождено было желанием каждого из них победить противника, но не уничтожить и не унижить, а впоследствии, на заседании суда над Пепеляевым, фактически произошло их примирение.

Стремление завоевать свободу, равноправие и лучшее будущее для народа придавало высший смысл действиям обоих главных героев романа, поэтому их **«зимняя дорога», при всей её тяжести и трагичности, имеет не только тёмную, но и светлую сторону**. Л. Юзефович отметил в уже упоминавшейся беседе с М. Соколовым: «Вообще-то, зимняя дорога – это хорошая дорога в России <...> слякоти нет» [Цена революции. Зимняя дорога, 2016, электронный ресурс, <https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1878050-echo>]. Иными словами, зимняя дорога – это твёрдый, неразмытый путь. Путь героев романа, их жизненный выбор в этом смысле тоже «хорошая дорога»: ни один из них не изменил себе, не отступил от собственных

принципов, какой бы цены это ни стоило. Им удалось не нарушить моральных законов, сохранить душевную чистоту, гуманизм и благородство, неудивительно, что во время суда над А. Пепеляевым и его сподвижниками оба бывших противника выразили безусловное уважение друг к другу.

Как говорится в процитированной выше работе В.А. Грехнёва о зимней дороге в пушкинском стихотворении, «путь этот бесконечен, пролегает через века» [Грехнёв, 1994, с. 7]. Именно через века тянется и нить творческой взаимосвязи между произведениями двух разных авторов и разных эпох. Сопоставление текста Л. Юзефовича с пушкинскими произведениями выводит его понимание **за пределы конкретно-исторической ситуации**, в сферу универсалий, которые существуют одновременно и в определённом времени и пространстве, и в вечности. Это даёт возможность посмотреть на роман о гражданской войне сквозь призму не только исторических, но и общечеловеческих категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балашова, Н. А. Некоторые вопросы пушкинской лирики 1826 года (Системные связи) / Н.А. Балашова // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество: Межвузовский сборник. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1981. – С. 23-34.

Благой, Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830) / Д.Д. Благой. – Москва: Советский писатель, 1967. – 723 с.

Волошин, М. Гражданская война / М. Волошин // Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 130-131.

Грехнёв, В. А. Мир пушкинской лирики / В.А. Грехнёв. – Нижний Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. – 465 с.

Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий / С.Д. Кржижановский. – Москва: Никитинские Субботники, 1931. – 32 с.

Пушкин, А. С. (а) Бесы / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. – Москва: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. – Москва: ГИХЛ, 1959. – С. 297-298;

Пушкин, А. С. (б) Зимняя дорога / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. – Москва: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. – Москва: ГИХЛ, 1959. – С. 159-160.

Строд, И. В якутской тайге / И. Строд. – Москва: Воениздат, 1961. – 188 с.

Ходанен, Л.А. Мотив дороги в лирике А.С. Пушкина 1820–1830-х годов / Л.А. Ходанен, А.В. Озерова // Вестник КемГУ. – 2008. – № 2. – С. 202-205.

Цена революции. Зимняя дорога // Радио «Эхо Москвы». Эфир от 27 ноября 2016 г. В гостях: Л. Юзефович. Ведущий: М. Соколов. – [Электронный ресурс]. – URL: [https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1878050-echo/\(07.12.2017\)](https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1878050-echo/(07.12.2017)).

Юзефович, Л. А. (а) Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922-1923 годы / Л.А. Юзефович. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 430 с. – [Электронный ресурс]. – URL: [http://lib.rus.ec/b/564252\(29.06.2016\)](http://lib.rus.ec/b/564252(29.06.2016)).

Юзефович, Л. А. (b) Миф уничтожить нельзя / Л.А. Юзефович. // Коммерсант.ru. 20.07.2015. – [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.kommersant.ru/doc/2767363\(12.11.2017\)](https://www.kommersant.ru/doc/2767363(12.11.2017)).

REFERENCES:

Balashova, N.A. Nekotorye voprosy pushkinskoy liriki 1826 goda (Sistemnye svyazi) / N.A. Balashova // Esteticheskie vzglyady pisatelya i khudozhestvennoe tvorchestvo: Mezhvuzovskiy sbornik. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 1981. – S. 23-34.

Blagoy, D. D. Tvorcheskiy put' Pushkina (1826–1830) / D.D. Blagoy. – Moskva: Sovetskiy pisatel'. – 1967. – 723 s.

Grekhnnev, V. A. Mir pushkinskoy liriki / V.A. Grekhnnev. – Nizhniy Novgorod: Izd-vo «Nizhniy Novgorod», 1994. – 465 s.

Khodanen, L. A. Motiv dorogi v lirike A.S. Pushkina 1820–1830-kh godov / L.A. Khodanen, A.V. Ozerova // Vestnik KemGU. – 2008. – № 2. – S. 202-205.

Krzhizhanovskiy S. D. Poetika zaglaviy / S.D. Krzhizhanovskiy. – Moskva: Nikitinskiye Subbotniki, 1931. – 32 s.

Pushkin, A. S. (a) Besy / A.S. Pushkin // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 tt. – Moskva: GIKhL, 1959–1962. T. 2. – Moskva: GIKhL, 1959. – S. 297-298;

Pushkin, A. S. (b) Zimnyaya doroga / A.S. Pushkin // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 tt. – Moskva: GIKhL, 1959–1962. T. 2. – Moskva: GIKhL, 1959. – S. 159-160.

Strod, I. V. yakutskoy tayge / I. Strod. – Moskva: Voениzdat, 1961. – 188 s.

Tsena revolyutsii. Zimnyaya doroga // Radio «Ekho Moskvy». Efir ot 27 noyabrya 2016 g. V gostyakh: L. Yuzefovich. Vedushchiy: M. Sokolov. [Elektronnyy resurs]. – URL: [https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1878050-echo/\(07.12.2017\)](https://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1878050-echo/(07.12.2017)).

Yuzefovich, L. A. (a) Zimnyaya doroga. General A.N. Pepelyaev i anarkhist I.Ya. Strod v Yakutii. 1922-1923 gody / L.A. Yuzefovich. – Moskva: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2015. – 430 s. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/564252> (29.06.2016).

Yuzefovich, L.A. (b) Mif unichtozhit' nel'zya / L.A. Yuzefovich // Kommersant.ru. 20.07.2015. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2767363> (12.11.2017).

Voloshin, M. Grazhdanskaya voyna / M. Voloshin // Voloshin M. Izbrannoe: Stikhotvoreniya, vospominaniya, perepiska. – Minsk: Mastatskaya literatura, 1993. – S. 130-131.